

Глава 35. Свет

Тот день, когда он впервые встретил Ду Мэнбая, врезался в память Сяо Хэ навечно.

Тогда он только-только осознал собственную инаковость.

Холодная чешуя, изменившийся, ставший непривычно низким угол зрения — всё вокруг казалось странным и новым. Лишь одно оставалось неизменным: надрывные вопли приемных родителей. Эти крики, как и всегда, вызывали лишь глухое раздражение.

Как он дошел до такой жизни?

Сяо Хэ и сам толком не понимал. В памяти осталось лишь жгучее, невыносимое ощущение кожаного ремня, раз за разом опускавшегося на спину. Кожа лопалась, раны кровоточили, превращая тело в сплошное месиво.

Стиснув зубы, он молчал. Он не желал издавать ни единого звука.

Приемную мать, похоже, бесила эта тишина. А может, ей просто казалось, что страданий недостаточно. Она принесла соль и, расплывшись в ласковой улыбке, принялась щедро посыпать его открытые раны.

Было больно. По-настоящему больно.

Настолько, что из груди вырвался яростный рык, и мир перед глазами мгновенно преобразился.

Он стал ниже, но это превращение принесло лишь удовлетворение. Ведь теперь на уродливых лицах родителей застыл неопиcуемый, первобытный ужас.

Повинуясь инстинкту, Сяо Хэ хлестнул хвостом, выбивая ремень из рук отца.

— Чудовище!.. Монстр!

— Палка... где палка?! Убей его, скорее убей!

Эти двое, обезумев от страха, заметались по комнате, лихорадочно ища хоть какое-то оружие.

— Нож! Точно, нож! На кухне! — взвизгнула мать и на подкашивающихся ногах бросилась прочь.

Сяо Хэ лишь сощурился. Одно мимолетное усилие воли — и он, словно в прыжке, возник прямо перед ней. Мощный удар хвоста пришелся женщине прямо в голову.

С глухим стуком она рухнула на пол и затихла.

— А-а-а!

Отец вскрикнул, его глаза вылезли из орбит. Лицо исказилось от запредельного страха. Ноги мужчины мелко дрожали, он пятился, не в силах даже помыслить о сопротивлении.

Сяо Хэ слегка повернул голову и в мгновение ока взмыл в воздух. Хвост толщиной с ведро качнулся, и тяжелый удар обрушился на ублюдка. Тот повалился мешком и потерял сознание.

Закончив с ними, Сяо Хэ замер. Взгляд его был пустым и потерянным.

Он впервые принял этот облик, но не чувствовал в нём ничего чужеродного. Его руки превратились в когтистые лапы. Короткие по сравнению с бесконечно длинным телом, они казались почти бесполезными.

Кем же он стал? Чудовищем?

Пожалуй, так и было.

Он бросил последний взгляд на лежащих в беспмятстве родителей и без тени сожаления скользнул за порог.

Он решил, что больше никогда сюда не вернётся.

Сяо Хэ не стал их убивать — вовсе не из благодарности, а лишь потому, что два трупа в доме сулили лишние проблемы. В конце концов, формально он считался их сыном.

Хотя за все эти годы он не видел от них ни капли тепла.

Отчим часто обзывал его «диким отродьем», и в чём-то был прав. Сяо Хэ действительно нашли в глуши и лишь благодаря поисковой группе вернули в мир людей.

Приемные родители оказались на редкость талантливыми лицемерами. Перед чужими они разыгрывали спектакль «добродетельной семейной четы», поэтому спасатели со спокойной душой отдали мальчика им на воспитание.

И только Сяо Хэ знал, какими психопатами они были на самом деле. Эти двое не могли

сдерживать свою жажду насилия: они воровали соседских кошек и собак, чтобы заживо сдирать с них кожу, вырывать жилы и упиваться видом крови.

Убить ребенка они не решались, опасаясь закона, но находили изощренные способы измываться над ним, теша свои больные наклонности.

Рана, струп, содранная корка и снова кровь — таков был круговорот его жизни. Боль и полное отсутствие надежды.

Его кормили впроголодь, но тело обладало поразительной живучестью. Любого другого ребенка такие побои превратили бы в калеку, покрытого шрамами, но Сяо Хэ восстанавливался пугающе быстро. Это выходило за рамки нормального.

Приемным родителям такая выносливость была на руку — «игрушка» не ломалась. Они даже платили за его учебу, и именно в школе Сяо Хэ, сам того не осознавая, начал понимать этот мир.

Рано или поздно любой ребенок взрослеет, но в его случае это произошло слишком быстро. На него влияла не только среда, но и книги. Постигая основы морали и человеческих отношений, он выстраивал собственное, уникальное восприятие действительности.

Возможно, именно из-за того, что его разум созрел раньше срока, в тот день — во время очередной пытки — в нем пробудилось нечто древнее.

Он не понимал, что он такое, но интуитивно чувствовал: мир не примет его нового облика.

Поэтому, едва отойдя от дома, он вернул себе человеческий облик.

Он долго шел, сам не зная куда, пока усталость не взяла своё.

Свернув в какой-то глухой переулок, он наткнулся на мальчишку, игравшего со змеей.

Сяо Хэ и раньше видел заклинателей змей, но этот парень был другим. Казалось... он по-настоящему разговаривает с ней.

Впрочем, Сяо Хэ было плевать.

Единственное, чего он сейчас хотел — это присесть и отдохнуть, а этот малец загораживал дорогу.

Сяо Хэ прищурился. От него за версту веяло тяжелой аурой. Ребенок, выросший в таком аду,

по определению не мог быть кротким.

К его удивлению, мальчишка, лишь раз взглянув на него, мгновенно спрятал змею за пазуху и дал дёру.

Сяо Хэ опешил.

«Это и есть то, что в книгах называют "умением вовремя отступить"?» — подумал он.

Он занял этот угол в подворотне и провалился в тяжелые думы. Он пытался осмыслить произошедшее, но мысли путались.

Он сидел там неподвижно, пока перед ним не возник другой подросток.

Тот был удивительно красив: белокожий, холёный, с легкой детской припухлостью щек. Он выглядел таким мягким, что его невольно хотелось ущипнуть. Он смотрел с явной опаской, и глаза его были яркими, звездными.

Типичный изнеженный барчук. Глядя на него, Сяо Хэ даже невольно поумерил свою враждебность — побоялся, что этот красавчик просто умрет от страха.

Но парень, вопреки ожиданиям, решительно подошел к нему и протянул руку.

Он сказал, что хочет дружить.

Глупейшая фраза. Но произнесена она была с таким серьезным лицом, что парень казался донельзя наивным.

И всё же... сердце Сяо Хэ пропустило удар.

Потому что такой вещи, как «друг», у него никогда не было.

Сяо Хэ сощурился, пристально изучая незваного гостя.

Было очевидно, что тот боится: он постоянно отводил взгляд, он не решался смотреть в упор. Но эта попытка казаться храбрым, несмотря на дрожь, показалась Сяо Хэ почти милой.

Не успел он ответить, как мальчишка затараторил, пытаясь доказать, почему дружить с ним — отличная идея.

Он понес какую-то чушь про карманные деньги, игрушки, игры, родителей... Про всё то, чего у Сяо Хэ никогда не было. Эти слова всколыхнули в его душе черную горечь.

Разозлившись, он холодно отказал.

Сяо Хэ думал, что на этом всё и закончится, но парень вдруг начал угрожать. Его «страшным» оружием была назойливость: он пообещал ходить за Сяо Хэ хвостом, пока тот не сдастся.

Сяо Хэ замер. Этот тип был настолько очаровательно-нелепым в своем упорстве, что... отказывать больше не хотелось. И он согласился.

Мальчишка просиял. Когда лучи заходящего солнца упали на его нежное лицо, Сяо Хэ на мгновение показалось, что он видит ангела.

Эта улыбка была настолько заразной, что многолетняя тьма в душе Сяо Хэ начала отступать.

Он подумал, что дружба с этим парнем может оказаться чем-то стоящим.

Но в следующую секунду тот спросил: «А где твоя змея?»

Сяо Хэ всё понял мгновенно. Оказывается... его просто приняли за другого.

В груди кольнуло разочарование, сменившееся горькой иронией.

Он сказал парню, что еще не поздно передумать. Но видит бог, в ту минуту ему больше всего на свете хотелось вытащить того давешнего мальчишку со змеей из какой-нибудь дыры и хорошенько всыпать ему.

К счастью, новый знакомый ответил, что не жалеет о своем выборе.

Сяо Хэ выплыл из воспоминаний, но продолжал улыбаться.

Стоило подумать об А-Бае, как на душе становилось светло.

Честно говоря, их первую встречу нельзя было назвать классической или романтической. Она не запомнилась ему какими-то великими событиями.

Он помнил её так отчетливо лишь по одной причине: в тот день он встретил Ду Мэнбая.

Не из-за важности момента, а из-за самого человека.

Когда кто-то становится для тебя незаменимым, каждое воспоминание о нём, даже самое пустяковое, обретает волшебный блеск.

К тому же, в тот день он действительно был спасен.

Тогда его сердце напоминало выжженную пустыню.

Он воздвиг вокруг себя неприступную, глухую стену, поклявшись никого не пускать внутрь. Но он и представить не мог, что эта броня даст трещину под напором чьей-то искренней, пусть и немного глупой доброты.

А если в стене есть трещина, в неё обязательно проникнет свет.

И свет этот разгонит любую тьму.

<http://bllate.org/book/17418/1662428>